

5. Коул Дж. Р. Схемы интеллектуального влияния в научных исследованиях / Дж. Р. Коул // Коммуникация в современной науке – М.: Прогресс, 1976. – С. 390-425.
6. Крейн Д. Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимом колледже» / Д. Крейн // Коммуникация в современной науке. – М.: Прогресс, 1976. – С. 183-218.
7. Кримський С. Б. Про софійність, правду, смисли людського буття: Збірник науково-публіцистичних і філософських статей. / С. Б. Кримський – К.: 2010. – 464 с.
8. Маклюен М. Средство само есть содержание / М. Маклюен // Информационное общество – М.: Издательство АСТ, 2004. – С. 341-349.
9. Марков Б. Человек в эпоху масс-медиа / Б. Марков // Информационное общество – М.: Издательство АСТ, 2004. – С. 452-507.
10. Миронов В. В. Информационное пространство: вызов культуре / В. В. Миронов // Информационное общество. – 2005. – № 1. – С. 14-18.
11. Мирский Э. М. Проблемы исследования коммуникаций в науке. / Э. М. Мирский, В. Н. Садовский // Коммуникация в современной науке. – М.: Прогресс, 1976. – С. 5-24.
12. Нам Лин Исследование коммуникационной структуры науки // Нам Лин, Гарвей У. Д., Нельсон К. Е. [Пер. с англ.]. / Коммуникация в современной науке. – М.: Прогресс, 1976. – С. 291-334.

13. Оноприенко В. И. Науковедение: поиск системных идей / В. И. Оноприенко – К.: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. – 288 с.

14. Оноприенко В. І. Наукове співтовариство: Вступ до соціології науки / Оноприенко В. І. – К.: ЦДПІН НАН України, 1998. – 98 с.

15. Прайс Д. Дж. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее. / Коммуникация в современной науке // Прайс Д. Дж. – М.: Прогресс, 1976. – С. 93-109.

16. Резніченко В. А. Електронні бібліотеки: інформаційні ресурси та сервіси / В. А. Резніченко, О. В. Захарова, Е. Г. Захарова // <http://refdb.ru/look/2756236-pall.html>

17. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер [Пер. с англ. науч. ред. П. С. Гуревич]. – М.: Изд-во АСТ, 1999. – 782 с.

18. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Л. Флек – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 220 с.

19. Чупина Г. А. Научное общение в системе познавательного процесса. / Г. А. Чупина // Анализ системы научного познания. – Свердловск: Изд. УрГУ, 1984. – 152 с.

20. Ярошенко Т. О. Наукові комунікації ХХІ століття: електронні ресурси для науки та освіти України / Т. О. Ярошенко // Наукові праці. Т. 52. Вип. 39 – С. 148-154.

О.П. Скиба

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования новейших систем научных коммуникаций в эпоху информационных технологий.

Ключевые слова: информационное общество, научные коммуникации, научное сообщество, способы коммуникации, информационные технологии.

O. Skyba

FEATURES OF SCIENTIFIC COMMUNICATION IN THE ERA OF INFORMATION TECHNOLOGY

The article investigates the features of the most recent systems of scientific communication in the era of information technology.

Keywords: information society, science communication, scientific community, means of communication and information technologies.

УДК 1 (091) + 130.2

Т.Д. Суходуб

ДИСКУРС ПАМЯТОВАНИЯ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Центр гуманитарного образования Национальной Академии наук Украины

Анотация. В статье раскрываются концепции памяти, сформировавшиеся в истории философии и современной культуре. Подчеркивается междисциплинарность как главный методологический принцип в исследовании проблематики памяти. Делается вывод, что современная культура демонстрирует не только интерес к прошлым опытам памяти, но и поиск «новых» практик памяти.

Ключевые слова: память, виды памяти, культура и память, опыт памяти в истории философии.

Введение

Память, традиционно рассматриваемая в аспекте феномена духовного и общественно-исторического бытия людей, всё заметнее в современном философском дискурсе актуализируется в качестве важнейшей метафизической проблемы, требующей учёта категориального статуса, логического содержания таких терминов как «социальная», «историческая», «родовая», «коллективная», «личностная», «культурная» и др. память. Аналитика исследований феномена памяти демонстрирует интерес к самым разным темам, среди которых – социально-историческая память общества в целом и отдельных социальных групп (в европейской гуманитаристике направление обозначается как «memory studies») [1, с.9,14]; культивирование памяти в процессах воспитания и образования; систематизация исторического опыта памяти в культурных традициях и современных социальных практиках; анализ особой роли памяти в структуре

личности, языковых актах, творчестве, а также в духовно-культурных, политических, экономических, образовательных трансформациях общества, в процессах социальной коммуникации, явлениях искусства, научных новациях и т.д. [см.: 2]. Причём проблематика разрабатывается как междисциплинарное исследование, составляя предмет интереса историков и социологов, социальных философов и историков философии, психологов и лингвистов, этнографов и культурологов.

Однако, современный дискурс памяти вне ориентации на историко-философский контекст понимания проблемы, так как именно в истории философии запечатлелись и осмысливались рождённые культурой опыты памяти как специфического измерения человеческого бытия. Отсюда, задачей исследования является теоретическая реконструкция основных вех в становлении и развитии дискурса памяти в историко-философской традиции.

Основная часть

Среди фундаментальных разработок поставленной проблемы, пожалуй, прежде всего следует назвать исследование Ф. Йейтс [3], представившей развитие проблематики памяти в философии, начиная от эпохи античности и до Нового времени, подходов Бэкона, Декарта, Лейбница. Для современной культуры значимым остаётся подчёркнутое исследовательницей обстоятельство открытия древними греками особого искусства – искусства памяти, использовавшего «технику запечатления в памяти неких “образов” и “мест”» [3, с.6]. С точки зрения преодоления кризисного состояния культуры нельзя не обратить внимание и на интерпретируемую Йейтс идею Ф. Бэкона о необходимости улучшить искусство памяти. И хотя пути решения поставленной философской проблемы остались неизвестными, актуальность её сохранилась и в наше время. Как не повторить: «Ныне существующее искусство может “дать повод к бахвальству чудовищному”, но оно бесплодно и не применяется в серьёзных “делах и ситуациях”» [3, с.457]. Увы, но эти «серьёзные дела» и «серьёзные ситуации» в наш век технологий скорее опираются не на искусство памяти с его основополагающими ценностями блага, гармонии, любви, жизни, уважения к Другому, а «ремесло» выгоды, вульгарно приспосабливая к собственным интересам злопамятство.

Если же продолжить историко-философскую линию актуализации проблемы памяти, то в философии XX века приоритетное значение имеют концептуализации М. Хайдеггера, П. Рикёра. В хайдеггеровских текстах философский «статус» приобретают новые категориальные определения бытия, так или иначе связанные с процессом памятования – сокрытие и раскрытие, умение прислушиваться, незапамятность, памятующее мышление, незапамятное бытие, забывание, умолчание и др. Однако, эти категории имеют значение прежде всего в контексте взаимного определения бытия и времени. Это важно подчеркнуть, так как именно в этой «связке» бытия и времени, характеризующейся динамичностью, перманентной трансформацией, если идти по ступенькам хайдеггеровской мысли, и рождается специфическое умение, которое, впрочем, можно было бы обозначить и личностным опытом и социокультурной практикой, а в смысловом отношении – памятью, позволяющей владеть (в идеале) *целым* (целым культуры, истории), осваивать (или о-сва(о)ивать = нечто делать *своим*), т.е., иметь в себе. Имея в виду последний аспект, заметим, что неслучайно психологи толкуют память как *свойство* души.

Иначе говоря, невещность, несущность времени задает характер существующему, ведь всё, что *есть*, определяется именно временем при всей его несущности. Отсюда, как представляется, вытекает особенная напряжённая интенсивность хайдеггеровской мысли, её наполненность вопрошаниями, за которыми – процессы, ситуации, условия (мысли, действия, решения). Философ спрашивает, по сути, утверждая: «Что даёт повод назвать рядом время и бытие? Бытие от раннего начала западноевропейской мысли до сего дня звучит то же, что присутствие. Из присутствия, присутствова-

ния звучит настоящее. Последнее, согласно расхожему представлению, образует с прошлым и будущим характеристику времени. Бытие как присутствие определяется временем. Что дело обстоит так, уже могло бы хватить для привидения мысли в непрестанное беспокойство. Это беспокойство возрастает, когда мы берёмся думать о том, на каком основании имеет место это определение бытия через время» [4, с.392]. Как подмечал Х.-Г. Гадамер, философ, опираясь на категорию времени, поставивший, исходя из аристотелевского, собственный вопрос о бытии, отмежёвывается по сути от устоявшегося в традиции бытийного вопроса метафизики, показывая, каким образом, прежде всего через «декартовский» поворот в философии, осуществилось забвение собственно бытия [5].

Последнее стало возможным и из-за человеческой потерянности в собственной культуре как некоем уже состоявшемся историческом пути, отхода от имевшихся в её истории начал, неполного их освоения, как и всего наработанного в философской мысли. Результатом такой субъективной непамятности и явилась растерянность человека в актуализируемом бытии. Ведь неосвоенный памятью опыт человеческого бытия в культуре приводил и к понижению творческих возможностей культуры, к неосвоению в полной мере и культуры метафизического мышления. В этом контексте, определяя память как «исходную, универсальную собранность хранимого для мысли», гарантирующую предметность и цельность мыслимого, как то, как Dasein времени себя, интереснейшую интерпретацию хайдеггеровских идей памятования даёт С.В. Возняк, по мнению которого, храня то, что «... дано для мысли, мы храним таким образом сущее в его бытии. Иначе говоря, мы сохраняем в памятующем оберегании мир. И памятование в таком случае мыслится как сила, связующая мышление, мыслящих и мыслимое в целостность. Именно поэтому до жути пугающим мыслится Хайдеггерово забвение бытия. Получается, что забвение – это прекращение со-хранения, бросание хранимого на произвол судьбы» [6, с.255].

Следует отметить, что вопрос о непосредственной взаимосвязи памяти и культуры, памяти и мысли, памяти и условий личностного роста человека был подмечен ещё Августином, утверждавшим, что память «зачинается» в человеке благодаря впечатлениям, рождённым «внешними чувствами», когда глаза сообщают не только о свете, но и «о всех красках и формах тел; уши – о всевозможных звуках; <...> всё тело в силу своей общей чувствительности – о том, что твёрдо или мягко, что горячо или холодно, гладко или шероховато, тяжело или легко, находится вне или в самом теле. Всё это память принимает для последующей <...> переработки и обдумывания в свои обширные кладовые и ещё в какие-то укромные, неопишуемые закоулки...» [7, с.243-244]. На основе воспринятого чувственного великолепия личность выстраивает свой собственный «ценностный мир», где уже по особым законам памяти работают запечатлённые «краски», «звуки», «запахи», «конфигурации», «тени», «очертания» предметов, воспроизводится логика событий. Раз-

ложенные по «полкам» времени (соединяясь исключительно с прошлым или перемещаясь по воле наших желаний в будущее, или сопровождая нас в настоящем), чувственные образы могут изменяться, перестраиваться, приобретать иные окраски, слышаться иначе в акцентированных по-новому словах и т.п.

Владеа всем этим собранным через собственный опыт богатством, люди живут и живы им: «... я создаю по сходству с тем, что проверено моим опытом, и с тем, чему я поверил на основании чужого опыта, то одни, то другие образы; я вплетаю их в прошлое; из них тку ткань будущего: поступки, события, надежды – всё это я вновь и вновь обдумываю как настоящее» [7, с.244]. Согласно Августину, пространство памяти имеет множество измерений рационального и иррационального порядка, отсюда: «...память и есть душа, ум...» [7, с.249]. Символично, что спустя столетия о необходимости создания феноменологии памяти как особого знания, описывающего то, что мыслилось в осознаваемом ещё греками понятии «анамнесис» (припоминание), ставит вопрос П. Рикёр [8].

Современный философ видит задачу не только в установлении соотношения времени и исторического повествования, но и в согласовании личной памяти, коллективной памяти с историей как научной дисциплиной, анализирующей эмпирические данные. Основание же им идеи политики «справедливой памяти», призванной, а главное – способной к адекватной оценке произошедших в совместной человеческой истории событий, вернее со«бытий» (пусть и в некоторой отдалённой от фактов перспективе в силу того, например, что «XX век особенно отягощен памятью насилия и страдания, и этот опыт трудно выразить адекватным образом» [8, с.9]), служит, на наш взгляд, определённым ответом на бэконовскую идею улучшения искусства памяти. Философ правомерно увязывает формирование личной идентичности с особой ролью в этом процессе индивидуальной и коллективной видов памяти, указывает на необходимость их сопоставления.

Однако, на наш взгляд, главная при этом проблема заключается в том, что конкретные практики памятования могут быть ценностно разнонаправленными, рассогласованными в своих устремлениях, несовпадающими в целях, что создаёт напряжённость скрытого или явного конфликта в общественных отношениях, которые являют себя далеко не всегда, образно говоря, согласованно воспроизводящим музыку (= культуру) «ансамблем». Исторические обстоятельства, особенно в нынешнюю эпоху, редко в системе социального памятования (т.е. в институтах образования, государства), представляются с позиций ценностно ориентированного культурного целого – такого «улучшения» искусства памяти не произошло. Действенными остаются политические средства и цели в интерпретации событий, следовательно, однобоко, с позиций одной части общности, представляющих историю и культуру. А это означает, что, к примеру, в гоголевском чтеве о гармонии (= «согласованное согласие всех частей») скрывается актуальный и для современного общества вопрос Николая Васильевича о возможностях

подобного согласования. Путь к решению данной проблемы может быть найден, как представляется, только через поиск вариантов сопричастности практик памятования с культурой, но не политикой, определяющейся до сих пор скорее идеологически, нежели исторически, и потому, в отличие от культуры, не имеющей основания для собственной гармоничной цельности. Иначе говоря, историк (если он, конечно, политически не ангажирован) понимает и памятует культуру в отличие от политика, который её, говоря архаически, «пользует».

В преодолении сложившейся тенденции, а это, пожалуй, и означает улучшить существующее искусство памяти, особую роль призвана сыграть культура «философской памяти», концепт которой разрабатывался В.С. Горским. По его мнению, особенность такого рода памяти заключается в том, что она «... выстраивает традицию актуальной культуры, воздавая должное минувшему как соучастнику процессов дня сегодняшнего» [9, с.272]. Понятно, что простой констатации взаимосвязи сохранённого памятью в культуре и создающегося недостаточно. Для того, чтобы непосредственно раскрыть процесс памятования, связывающего прошлое с настоящим, необходимо, как указывает философ, различать собственно память и историю. Память, хотя и развивается на основе исторических данных, тем не менее, отличается от истории по своим задачам. Так, если наука истории стремится к воссозданию объективно полной картины минувшего, к пониманию его детерминант, то для памяти значимы события, влияющие на понимание и разрешение современных проблем. Имеются, на наш взгляд, по крайней мере, два следствия, вытекающие из данной концептуализации философской памяти и весьма важные для актуальной культуры. Первое – указывает на зависимость и необходимость взаимной корреляции памяти и культуры: «Состав памяти и масштабность событий, ею объединяемых, естественно меняется с изменением типа культуры» [9, с.272-273]; второе – связано с пониманием истории философии как истории философов: «История философии – не только свод философских школ, течений, образовывавшихся вокруг определённых институциональных центров. Она, прежде всего, – история философов. И течение её определяют места, где протекала жизнь мыслителя, где в уединении рождалась философская идея, где в кругу друзей она обсуждалась» [9, с.282].

Как видим, современная культура оформляется по типу, нуждающемуся в иных практиках памятования, новых концептуальных подходах к интерпретации феномена памяти. Об этом достаточно громко говорят многие интеллектуалы, ставя вопрос об исследовании проблематики памяти, о необходимости в условиях современной цивилизации принципиально иных практик памятования, об условиях формирования культуры памяти, ориентированной на особое отношение к проблеме топоса, «мест памяти» выдающихся мыслителей, их духовных смыслов и т.д. Тем не менее, главной болевой точкой в современном дискурсе памяти остаётся неполнота теоретического воспроизведения историко-

философского процесса памятования, связанная с несправедливым забвением российских философов, работающих в этом направлении, а это: Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, С.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, Б.Н. Чичерин и др. Приоритетное место в этой плеяде мыслителей, безусловно, принадлежит Н.Ф. Фёдорову, начавшему разрабатывать и мощно представившему в русской философской традиции проблематику памяти. В оценке его учения справедлив К.А. Баршт, расценивший фёдоровскую философию как вариант практической онтологии, апеллирующей прежде всего к понятию «онтологической памяти Вселенной» [см.: 10]. Управление последней должно перейти к преображённому человеку, что позволяет увязывать, по мнению исследователя, фёдоровские идеи с мыслью В.И. Вернадского о едином самосознании человечества, призванного проникать в мировые процессы. Баршт также предполагает, что Н.Ф. Фёдоров «опередил А. Бергсона в создании концепции Вселенной самоотворяющейся и накапливающей свой фонд вечной памяти» [10, с.145].

Говоря о концепции памяти Н.Ф. Фёдорова необходимо прежде всего обратить внимание на понимание им истории, ведь именно человеческая история призвана выполнить особую миссию в судьбе человечества – восстановить *память* поколений, их непосредственную связь. Именно из этой установки рождается один из основополагающих тезисов фёдоровского учения: «все живущие» должны быть историками, «умершие» же – предмет истории [см.: 11, с.51-53]. Только при этом условии историческая память может быть объединяющим человечество началом, выступать, образно говоря, как всевременность (вечность) или современность (= современность), а история может стать деятельностным познанием для действительной практики человечества. Интересно, что сквозь призму проблемы памяти как основы культуры, рассматривает философ практически все интересующие его вопросы: образования и современной ему цивилизации, исторически сложившиеся взаимоотношения между городом и деревней как специфическими пространствами человеческого общежития, вопросы массового сознания, создания библиотек-музеев, толкования нравственных ценностей (долга, любви) и т.д., подчиняя все эти вопросы решению одного – восстановлению связи поколений. Решить эту грандиозную задачу можно, уверен мыслитель, сделав память действенным началом актуального бытия человечества. Исходя из этого, Н.Ф. Фёдоров и говорит о необходимости подчинения общему Делу всех сфер духовной культуры – науки, искусства, религии, философии, всех социальных институтов (государства, учреждений образования, науки, культуры – школ, библиотек, музеев, печатных изданий и т.д.). С этой же задачей связано и создание философом новой категориальной сетки мышления, раскрывающей прежде всего процессы памятования и забвения: очужествление, обезличение, гражданская чуждость родству, неродственность, родственное как бессмертное, неродственное как смертное, обезжизневать и др.

Выводы

Проблема взаимосвязи культуры, памяти, истории, а также концептуализация этих феноменов – тема одновременно – традиционная и современная, историко-философская и актуально метафизическая, так как культура прививается человеку и существуют для других культурные творения, прежде всего через такой сложнейший феномен духовного бытия как память. Важность этой силы в истории заключается в том, что память рождает мир современности как мир всевременности или трансисторичности, транскультурности. Историческая память только при этом условии может быть объединяющим человечество началом, а история – становиться деятельным познанием для действительной практики человечества.

Анализ концептуальных подходов философов, анализирующих проблематику памяти, позволяет понять культуру не только как опыт памятования, но и как процесс сопротивления беспамятству, забвению. Как свойство культуры память представляет собой способ поддержания человеческого в человеке, творения в нём того эстетического, то есть, чувственно небезразличного, начала, без которого нет личности, нет культуры, без которого неполна, этически несостоятельна человеческая деятельность и общественная история.

Список литературы

1. Дахин А.В. Введение / А.В. Дахин // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки: сб. науч. статей / под ред. А.В. Дахина. – Н.Новгород: Изд-во ВВАГС, 2011. – 174 с. – С. 5-6; Дахин А.В. Актуальные исследования коллективной социальной памяти: перспектива философской концептуализации / А.В. Дахин // Там же. – С. 9-16.
2. Гуманизм. Людина. Пам'ять (Пам'яті професора Валерія Григоровича Скотного): Матеріали 24-х Міжнародних Людинознавчих філософських читань (Дрогобич, 2012). – Дрогобич, 2012. – 270 с.
3. Йейтс Ф. Искусство памяти [Электронный ресурс] / Фрэнсис Йейтс. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. – 479 с. – Режим доступа: <http://filegiver.com/free-download/yeitys-f-iskusstvo-pamyati.pdf>.
4. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с. – С. 391-406.
5. Гадамер Х.-Г. История философии / Х.-Г. Гадамер // Гадамер Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества / науч. ред. А.А. Михайлов; пер. с нем. А.В. Лаврухина. 2-е изд. – Минск: ПроPILEI, 2007. – С. 176-191.
6. Возняк С.В. Мартин Хайдеггер о взаимосвязи мышления и памяти / С.В. Возняк // Історія філософії як школа думки. Збірник на пошану професора Степана Михайловича Возняка (до 85-річчя з дня народження) / Ред. колегія: В.К. Ларіонова (головний редактор), О.Б. Гуцуляк. – Івано-Франківськ: Видавництво Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника, 2013. – 596 с. – С. 250-262.
7. Августин Аврелий. Исповедь / Августин. Перевод с лат. М.Е. Сергеевко. Вступ. статья А.А. Столярова. – М.: Издательство «Ренессанс», СП ИВО – Сид, 1991. – 488 с.
8. Рикёр П. Память, история, забвение [Электронный ресурс] / Поль Рикёр / Пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризан. Ред. Л.Б. Комиссарова. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с. – (Французская философия XX века). – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/interv.php.
9. Горский Вилен. Киевские урочища философской памяти / В.С. Горский // Человек. История. Весть / Сост. К.Б. Сигов. – К.: Дух і літера, 2006. – 400 с. – С. 272-282.

10. Баршт К.А. «Генеральная линия эволюции» и «онтологическая память»: оправдание homo sapiens explorans / К.А. Баршт // «Служитель духа вечной памяти». Николай Фёдорович Фёдоров (к 180-летию со дня рождения). Сборник научных статей : в 2 ч. Ч. 2 / Российская гос. б-ка [и др.] ; [сост. : А. Г. Гачева, М. М. Панфилов]. – М.: Пашков дом, 2010. – 448 с. – С. 143-167.

11. Фёдоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного,

состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к учёным, духовным и светским, к верующим и неверующим / Н.Ф. Фёдоров // Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том I / Составление, подготовка текста и комментарии А.Г. Гачевой и С.Г. Семёновой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – 518 с. – С. 35-308.

Т.Д. Суходуб

ДИСКУРС ПАМ'ЯТУВАННЯ: ІСТОРИКО-ФІЛОСОФСЬКИЙ АСПЕКТ ДОСЛІДЖЕННЯ

У статті розкриваються концепції пам'яті, що сформувалися в історії філософії та сучасній культурі. Підкреслюється міждисциплінарність як головний методологічний принцип у дослідженні проблематики пам'ятування. Підсумовується, що сучасна культура демонструє не тільки інтерес до минулих досвідів пам'яті, але й пошук «нових» практик пам'ятування.

Ключові слова: пам'ять, види пам'яті, культура та пам'ять, досвід пам'яті в історії філософії.

T. Sukhodub

DISCOURSE OF MEMORY: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT OF RESEARCH

The article describes the concept of memory, formed in the history of philosophy and modern culture. Emphasizes interdisciplinary as the main methodological principle in the study of problematics of memory. The conclusion is that modern culture shows not only an interest of past experience of memory, but also search of "new" practice of memory.

Keywords: memory, types of memory, culture and memory, experience of memory in the history of philosophy.

УДК 159.99.18

Ю.В. Харченко

КУЛЬТУРНО-ЦИВІЛІЗАЦІЙНІ ВИТОКИ ФОРМУВАННЯ ПОЛІТИЧНОГО ЯК СУСПІЛЬНОГО ФЕНОМЕНУ

Кіровоградський державний педагогічний університет ім. В. Винниченка

Анотація. На базі соціально-філософського дослідження феномену політичного визначаються основні культурно-цивілізаційні детермінанти його формування та виводиться концепт політичного.

Ключові слова: феномен політичного, протополітичне, політичні процеси, структура політичного.

Вступ

Геополітичні реалії, що породили складні обставини, в яких протягом останнього часу опинилася практично кожна людина, свідчать про те, що глобальна політика вже давно суттєво впливає на її свідомість, визначає й координує її повсякденне життя. Терміни «політика», «влада», «фінанси», «контроль», «сила» вже давно стали семантичними маркерами буденності. Подчуття причетності до будь-якої політичної стратегії, ілюзія присутності кожного в політиці стають звичними, а це означає, що поступово сформувалася нова модель політичної культури – віртуальної. Отже, політичне, як комплексний багатогранний феномен, по суті виступає всеохоплюючим, оскільки відтворює сутнісні характеристики всіх вимірів соціального буття людини й суспільства.

Безумовно, сьогодні дуже складно прогнозувати, яким саме стане майбутній глобальний світ або навіть стверджувати, як розвиватиметься той чи інший локальний політичний процес, оскільки постійно вибудовується кардинально нова картина політичного. Це означає, що сконструювати більш-менш стабільну модель політичного світоустрою можливо лише за умови, якщо всі учасники політичного процесу, максимально застосовуючи свій інтелектуальний ресурс, постійно розроблятимуть все більш ефективний, відповідний викликам часу та відносно стійкий по відношенню до існуючих ризиків, інструментарій управління.

Розглядаючи феномен політичного в історичному розрізі можна помітити, що в усі попередні епохи механізм управління також постійно коригувався,

щойно змінювалася та чи інша форма державного устрою. Отже, постійні трансформації, що відбувалися в сфері політичного, сприяли виокремленню його ключових структурних компонент – політичної влади, політичних відносин між учасниками політичного процесу, фундаментальних політичних ідей і концепцій, політичної свідомості як системи уявлень, почуттів, поглядів, емоцій, оцінок та установок, що виражають індивідуальне відношення людей до політики, сприяють виробленню здатності управляти суспільством та державою.

Метою статті є концептуалізація політичного як суспільного феномену. Хоча термін «політичне» є полісемантичним, та й явище політики завжди приковувало увагу численних представників соціогуманітарної сфери знання, все одно проблема формування політичного й сьогодні залишається вкрай актуальною. Філософський аналіз же його культурно-цивілізаційних витоків дасть змогу більш-менш чітко окреслити його сутнісні кордони.

Основна частина

Підкреслимо, що феномен політичного розглядали й ґрунтовно аналізували ще в сиву давнину не лише такі видатні античні філософи-класики, як Платон та Арістотель, але й мислителі Сходу, зокрема Конфуцій. І вони дійшли висновку, що ефективно врегульовувати політичні проблеми й впливати на політичні процеси можливо засобом аналітичного осмислення політичної дійсності, перетворивши сферу управління на мистецтво. «Управляти» означало володіти таїнством – бути наділений особливим